

ОЛЕГ ПРОСКУРИН
из истории одесского текста
поэмы Пушкина «Цыганы»

к методике чтения
пушкинских рукописей

... ВЕТРУ И ОРЛУ
И СЕРДЦУ ДЕВЫ НЕТ ЗАКОНА.
ГОРДИСЬ: ТАКОВ И ТЫ ПОЭТ...
А. Пушкин

В ЕГО СВОБОДЕ ЕСТЬ ЗАКОН.
В Ходасевич

При работе над комментарием к «Сочинениям Александра Пушкина» — изданию, которое навсегда останется связано с именем Е.В. Пермякова, вдохновителя и создателя «Нового издательства», — я столкнулся с любопытным парадоксом в нашей пушкинской текстологии. В ней усилиями нескольких поколений исследователей разработана изощренная методика чтения пушкинских рукописей (в частности, черновых), оформилась техника расчленения их на временные слои, позволяющая за статическим текстом увидеть динамический процесс его создания. Но эта динамика осуществляется в некоем абстрактном времени: мы детально можем проследить изменение и движение уровней и элементов текста только *относительно друг друга*. Когда же мы обращаемся к бытию пушкинских рукописей в *историческом времени* (особенно если речь идет о пространственных текстах), возникает совсем другая картина. В этой области то или иное решение, как правило, определяется не столько последовательностью и корректностью применения аналитической методики, сколько интуицией, остроумием, эрудицией и — не в последнюю очередь — богатством творческой фантазии исследователя. Неудивительно поэтому, что если при чтении и изучении *текста* рукописей разногласия между пушкинистами возникают по сравнительно частным вопросам, то при изучении *истории текста*, его движения во времени мы сплошь и рядом встречаемся с концепциями, радикально противоречащими друг другу в самых основных вопросах, совершенно по-разному объясняющими и общую эволюцию замысла, и соотношение

ИЗ ИСТОРИИ ОДЕССКОГО ТЕКСТА ПОЭМЫ ПУШКИНА «ЦЫГАНЫ»

и соотношение сегментов текста, и этапы работы над ними, и — в особенности — их датировку.

Решая прикладные задачи, связанные с изучением истории текста пушкинских поэм, я вместе с тем пытался нащупать какие-то пути для выхода из этого методологического тумана. Стремясь поместить текст (и те или иные элементы текста) в *историческое время*, я исходил из того, что для успешного осуществления такой операции в первую очередь необходимо понять соотношения и взаимодействия текста с возможно большим числом других текстов, как в ближайшем соседстве (в частности, в рабочих тетрадах), так и в более широких контекстах. Палеографические и графологические данные, в свою очередь, обретают убедительность, если корреспондируют с данными историко-литературными и биографическими (и *vice versa*).

Предмет настоящего исследования — материалы к истории замысла и текста *одного* произведения, точнее даже — *части* одного произведения. Речь пойдет о начальной — одесской — стадии работы Пушкина над поэмой «Цыганы». Но хочется надеяться, что полученные результаты могут представлять интерес не только в связи с попытками разрешения конкретных исследовательских задач, но и в связи с некоторыми общими методологическими вопросами.

1 творческая история «Цыганов» в Одессе: классическая версия

Общая канва истории поэмы «Цыганы» хорошо известна: поэма была начата Пушкиным в Одессе, в так называемой Первой мasonicкой тетради (Пушкинский Дом. Ф. 244. Оп. 1. № 834), продолжена во Второй мasonicкой тетради (ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 835)¹ и закончена в Михайловском в 1824 году (правда, сам Пушкин не считал поэму вполне завершенной). Но если конечный, михайловский этап ее творческой истории не представляет особой проблемы для исследователя, то с начальным, одесским делом обстоит много сложнее.

В свое время итоги изучения «Цыганов» были подведены в академическом Полном собрании сочинений Пушкина (далее — ПСС). Для этого издания текст поэмы готовил выдающийся филолог Г.О. Винокур. К сожалению, его обширный комментарий к «Цыганам» не увидел света; в небольших же источниковедческих примечаниях к тому IV ПСС соответствующие сведения были даны в самой краткой и предельно обобщенной форме. Однако в журнальной статье «Монолог Алеко», посвященной одному из интересных эпизодов в истории текста поэмы, исследователю удалось изложить и общие результаты работы — хотя и суммарно, но все же более подробно, чем в академическом издании. О начальной, одесской стадии истории поэмы (нас, собственно, и интересующей) здесь говорится следующее:

Пушкин начал писать «Цыганов» в перерыве между окончанием второй и началом третьей главы «Евгения Онегина». Окончание второй главы «Евгения Онегина» самим Пушкиным датировано 8 декабря 1823 г. (рукопись Ленинской библиотеки № 2369 [сейчас: ПД, № 834], л. 41 об.) Ровно через два месяца, 8 февраля 1824 г., Пушкин приступил к третьей главе «Евгения Онегина» (л. 48 об.). В конце этого двухмесячного периода, по-видимому во второй половине января 1824 г., было начерно набросано начало «Цыганов» (там же, л. 45 об., 46, 47 об., 48 той же рукописи). В один или два присеста Пушкин написал приблизительно шестьдесят стихов, кончая обращением старого цыгана к Алеко, которое в черновике читалось сначала так:

По городам ходи с медведем

Иль подаяния проси.

Снова Пушкин принялся за работу не сразу. Не ранее мая 1824 г. была обработана и заново переписана сцена появления Алеко в таборе (рукопись № 2370 [сейчас: ПД, № 835], л. 3). Вероятно, уже к концу пребывания Пушкина в Одессе, в июне или в июле 1824 г., появился черновик второго эпизода поэмы — описание самого табора (там же, л. 9) и набросок, соответствующий в окончательном тексте стихам:

Его порой волшебной славы

Манила дальняя звезда.

Этот набросок заканчивался стихами, которые не вошли в окончательный текст «Цыганов», но известны также из текста пропущенных строф второй главы «Евгения Онегина»:

И вырывались иногда

Из уст его такие звуки,

Что...

Вот и все из «Цыганов», написанное до отъезда из Одессы в Михайловское (Винокур 1999: 62).

Выводы Винокура относительно хронологии работы основывались на положении фрагментов «Цыганов» в Первой и Второй масонских тетрадах, в частности на их соотношении с датированными (или легко поддающимися достаточно убедительной датировке) текстами, находящимися в соответствующих местах рукописи. Эти выводы были приняты большинством исследователей-пушкинистов и давно вошли в широкий оборот.

Но, при видимой ясности и однозначности предложенного решения, вопрос оказался все же не закрыт.

2 первая масонская тетрадь: «Цыганы» и их соседи

Насколько можно понять по описанию Винокура, в датировке начала работы над «Цыганами» исследователь руководствовался прежде всего двумя датами, проставленными в Первой масонской тетради самим Пушкиным, — 8 декабря 1823 года (при окончании Второй главы «Евгения Онегина»

ИЗ ИСТОРИИ ОДЕССКОГО ТЕКСТА ПОЭМЫ ПУШКИНА «ЦЫГАНЫ»

«Евгения Онегина») и 8 февраля 1824 года (при начале Третьей главы). Первая дата выставлена на л. 41 об., вторая — на л. 48 об. Рукопись «Цыганов» начинается на л. 45 об., т.е. более чем на половине пути от конца Второй главы к началу Третьей. Основываясь на этом, в общем логично было заключить, что «Цыганы» начаты во второй половине января.

Но Винокур (как следует, по крайней мере, из его описания) не обратил должного внимания на другие тексты, соседствующие с рукописью «Цыганов», хотя и не датированные Пушкиным в тетради, но легко поддающиеся датировке: это черновики писем Бестужеву от 12 января (46 об. — 47) и 8 февраля 1824 года (л. 43 об. — 44). Черновик январского письма непосредственно интегрирован в текст «Цыганов».

Казалось бы, эти письма позволяют дать более точную дату начала «Цыганов», если бы не одно странное нарушение хронологического порядка: черновик письма Бестужеву от 12 января находится на три листа дальше от начала тетради, чем черновик более позднего (писанного почти месяц спустя) письма от 8 февраля!.. Это вносит в проблему неожиданную и на первый взгляд труднообъяснимую путаницу.

Однако не так давно, в специальном исследовании, посвященном описанию и анализу Первой масонской тетради (ПД 834), Я.Л. Левкович дала достаточно остроумное объяснение этому хронологическому смещению. Она обратила внимание на то, что Пушкин, написав (и датировав) последние строфы Второй главы «Евгения Онегина» на л. 41 об, начал дополнять главу новыми строфами (на л. 42 и 43). По мнению исследовательницы, Пушкиным планировались и дальнейшие дополнения ко Второй главе (так и оставшейся самой короткой в романе): «Очевидно, закончив вчерне вторую главу „Онегина“ до 12 января, Пушкин пропустил несколько листов для продолжения работы и набросал черновик письма к Бестужеву, но работа над романом застопорилась и к главе третьей всерьез он приступил <...> 8 февраля 1824 г., начав ее на л. 48 об. тетради» (Левкович 1995: 232).

Оставленный (примерно на 43 об.) промежуток до начала работы над Третьей главой (47 об.) постепенно заполнился разными текстами. «Таким образом, — заключает исследовательница, — все тексты на л. 43 об. — 47 (стихотворение „Все кончено, меж нами связи нет“, послание к Чаадаеву, начало „Цыган“) можно датировать периодом 12 января — 8 февраля 1824 г.» (Левкович 1995: 232–233).

Левкович высказала о «Цыганах» и некоторые конкретные соображения (подтверждающие, впрочем, ее выводы общего характера): «На л. 45 об. начинается черновой текст „Цыган“, кончая стихом „Идущих завтра в путь недалний“. Ниже его план поэмы. <...> Текст „Цыган“ продолжается и на л. 46. Написав строку „Но им не тронута оно“, Пушкин зачеркивает пять строк вниз (см.: IV, 408) и оставшуюся часть листа заполняет рисунками — иллюстрациями к поэме (цыганские кибитки,

собака). <...> На этом работа над „Цыганами“ прерывается и продолжается уже на л. 47 об. — 48, так как листы 46 об. — 47 к этому времени были заняты письмом к А.А. Бестужеву от 12 января 1824 г.» (Левкович 1995: 232; выделено мной).

Вникнем в соображения исследовательницы. Общий вывод о том, что перед 12 января Пушкин пропустил несколько листов для продолжения работы над «Онегиным» и что эти листы впоследствии заполнялись разными текстами, звучит вполне убедительно: он достаточно удовлетворительно объясняет хронологические несогласованности, имеющиеся в соответствующем сегменте тетради. Зато два других — частных — вывода: 1) о том, что первым текстом, написанным после того, как Пушкин пропустил несколько листов, оказалось письмо Бестужеву от 12 января 1824 года, и 2) что весь пробел должен был целиком заполниться до начала работы над Третьей главой, т.е. до 8 февраля, — кажутся сделанными слишком поспешно и, так сказать, на недостаточных логических основаниях.

Начнем с первого. Всякий, кто имел возможность видеть Первую масонскую тетрадь (хотя бы в фотокопии), не мог не заметить, что у чернового письма Пушкина Бестужеву от 12 января (того самого, что интегрировано в текст «Цыганов») есть одна отличительная палеографическая особенность: письмо начинается после весьма обширного отступа (приблизительно 7 сантиметров) от верхнего края страницы. Это уникальный в своем роде случай, в чем легко убедиться, сопоставив этот текст с черновиками других писем, находящимися в той же тетради 834: А.Н. Раевскому (?), ок. 15–22 октября 1823 года (л. 21), Вяземскому от 4 ноября 1823 года (л. 32), одесским приятельницам — некоей Майгин и неизвестной, ноябрь 1823 года (л. 37 об.), А.И. Тургеневу от 1 декабря 1823 года (л. 40), Вяземскому, между 1 и 8 декабря 1823 года (л. 41) (мы не включаем в этот список письмо Бестужеву от 8 февраля, так как оно начато не у края листа, а после стихотворения, записанного наверху). Во всех этих случаях отступ от края страницы до первой строки — от полутора до примерно трех (чуть меньше) сантиметров. Это вполне соответствует общим стандартам пушкинских рукописей, отмеченным их исследователем и знатоком: «Обычно сверху оставляется некоторый нормальный пробел — сантиметра полтора — два с половиной в зависимости от размера бумаги» (Бонди 1971: 163).

Чем же объясняется отступление от правила в случае с письмом Бестужеву от 12 января? Объясняется оно исключительно материальными причинами.

Еще С.М. Бонди отмечал «плох[ое] качеств[о] бумаги в „масонской“ тетради: чернила Пушкина расплывались на ней, как на пропускной» (Бонди 1931: 166). Ему вторит современный исследователь: «Фактура бумаги во всех трех „масонских тетрадях (sic!)“ была малопригодной для писания

ИЗ ИСТОРИИ ОДЕССКОГО ТЕКСТА ПОЭМЫ ПУШКИНА «ЦЫГАНЫ»

для писания в них чернилами. Поэтому обычно на страницах присутствуют „оборотные“ следы, которые сливаются с отпечатками чернил с листа на лист» (Шварцбанд 2004: 100). Итак, один из кардинальных недостатков бумаги в масонских тетрадах следующий: бумага слишком легко пропускала чернила, они порою проступали сквозь страницу («оборотные» следы, по определению Шварцбанда), и в тех случаях, когда чернила были слишком насыщенными (или перо зачерпывало их слишком много), оборотная страница делалась малопригодной для письма.

Легко убедиться, что перед нами именно такой случай. Кусок «Цыганов» на верхней части л. 46 писался широким пером, захватывающим много чернил; кусок этот интенсивно обрабатывался — зачеркнуто едва ли не каждое слово; при зачеркиваниях чернила вливались в перьевые бороздки первого слоя... В результате чернила пропитали бумагу и сильно проступили на оборотной стороне листа (л. 46 об.; и сейчас, более ста восьмидесяти лет спустя после заполнения тетради, чернильные следы здесь видны очень хорошо). Поэтому, вознамерившись писать на л. 46 об. письмо Бестужеву, Пушкин сделал ровно такой отступ, который позволил бы ему писать не *поверх* загрязненного чернилами места (это сделало бы текст неудобочитаемым), а сразу *под* ним.

Эта — по видимости, чисто техническая — деталь имеет для нас принципиальное значение. Она свидетельствует об очень важном обстоятельстве: когда Пушкин приступил к письму Бестужеву, на предшествующем листе *уже находился* текст «Цыганов». Это обстоятельство заставляет скорректировать существующие датировки начала работы Пушкина над «Цыганами».

Прежде всего, мы можем теперь уверенно утверждать, что работа эта началась не *во второй половине* января 1824 года (мнение Винокура) и не между 12 января и 8 февраля (выкладки Левкович). Началась она во всяком случае *до* 12 января. Левкович, правильно отметив, что Пушкин пропустил в тетради несколько листов для возможных дополнений ко Второй главе «Евгения Онегина», слишком поспешно заключила, что *первым* текстом, написанным после отступа, было январское письмо Бестужеву. Между тем таким первым текстом, судя по всему, оказалась поэма «Цыганы». Пушкин начал работу над поэмой на л. 45–46, а продолжил ее на л. 47 об. не потому, что «л. 46 об. — 47 к этому времени были заняты письмом к А.А. Бестужеву от 12 января 1824 г.». Письмо прервало течение работы, начатой *до* этого числа.

Таким образом, 12 января из начальной даты заполнения пропуска, *не раньше* которой Пушкин мог начать «Цыганов» (*terminus post quem*), превращается в иную дату: 12 января — это время, *не позже* которого началась работа над поэмой (*terminus ante quem*).

Когда же это могло произойти? Чтобы ответить на этот вопрос, вновь рассмотрим к рукописи. Черновое начало текста поэмы на л. 45 об.

(включая план в нижней части листа) и его продолжение в верхней части л. 46 написаны одним пером и одинаковыми чернилами. Наверху л. 46 работа, видимо, на какое-то время приостановилась: об этом свидетельствуют и внешние особенности этого сегмента рукописи (исключительно интенсивная правка), и его содержание: Пушкин начерно закончил экспозицию (описание спящего табора), но ему еще неясно, как ввести в действие главного героя. Судя по всему, приостановив работу, Пушкин перевернул страницу и набросал письмо Бестужеву: при внимательном рассмотрении видно, что оно написано тем же пером, что и текст «Цыганов» на л. 45 об. — в верхней части л. 46 (и резко отличается от продолжения текста поэмы на л. 47 об.).² Таким образом, мы можем заключить, что начальная часть «Цыганов» хотя и предшествовала письму Бестужеву, но была написана немногим раньше его. Следовательно, текст поэмы на л. 45 об. — в начале л. 46 можно датировать временем *около 12 января* (письмо, возможно, перебеливалось не сразу после создания черновика, а днем или даже несколькими днями позже; тогда же оно могло получить и соответствующую датировку).

По прошествии еще какого-то времени — уже другим, тонко отточенным пером и щеголеватым «летающим» почерком — Пушкин записывает на л. 46 беловик двенадцати новых строк, лишь частично используя черновые наброски на предшествующем листе (это означает, что обработка их велась в другом месте, возможно — на отдельных листках).

Тем же пером была осуществлена правка записанного фрагмента: беловик превратился в черновик. За этим фрагментом следует беловик еще четырех стихов (впоследствии также правленный) — но он выполнен уже быстрым «рабочим» почерком (некоторые слова записаны сокращенно). За ним — черновик еще четырех строк. Последние восемь стихов, по-видимому, написаны уже *третьим* пером. Этим же пером продолжен черновой текст поэмы после письма Бестужева на л. 47 об. (дочь старого цыгана приводит в табор неизвестного молодого человека). Наконец, на л. 48 появляется ответ старика на сообщение дочери — записанный *четвертым* пером беловик (в конце переходящий в черновик; последние строки зачеркнуты).

Г.О. Винокур полагал, что *весь* текст «Цыганов» в тетради 834 был написан «в один или два присеста». Изучение рукописи не позволяет присоединиться к этому заключению. Неоднократная перемена орудия письма, вариации почерка, чередование черновых и беловых кусков на пространстве всего лишь в три с половиной страницы — все это свидетельствует о том, что начало поэмы «Цыганы» было написано не в один и даже не в два присеста и во всяком случае не в один день. Если приступ к поэме мы можем отнести ко времени *около 12 января 1823 года*, то окончание работы над нею в тетради 834 приходится датировать

ИЗ ИСТОРИИ ОДЕССКОГО ТЕКСТА ПОЭМЫ ПУШКИНА «ЦЫГАНЫ»

датировать более широко: временем *после 12 января — до 8 февраля 1824 г.* (дата, проставленная на л. 48 об., при начале Третьей главы «Евгения Онегина»).

Затем Пушкин на какое-то время оставил «Цыганов», почти всецело сосредоточившись на работе над «Евгением Онегиным».

3 когда же Пушкин начал Вторую масонскую тетрадь?

Вернулся Пушкин к поэме уже во Второй масонской тетради (ПД 835), согласно Винокуру — «не ранее мая» 1824 года.

Однако в 1983 году С.А. Фомичев предпринял попытку пересмотреть мотивированную Винокуром датировку возобновления работы и хода ее во Второй масонской тетради. Исследователь пришел к выводу, что работа Пушкина в этой тетради началась не в мае, а в первых числах марта (около 8-го) 1824 года, что началось она не на л. 1, а на л. 3 и что первым текстом в тетради была поэма «Цыганы», над которой Пушкин работал примерно до 12 марта, после чего отвлекся на другие творческие замыслы и вернулся к поэме только «спустя несколько месяцев — очевидно, незадолго до отъезда из Одессы (31 августа)»⁴ (Фомичев 1983: 46).

Выводы С.А. Фомичева легли в основание полистного описания Рабочей тетради 835 в сопроводительном томе к многотомному факсимильному изданию пушкинских рукописей (Рабочие тетради 1995–1998 I: 111–114; автор описания — С.А. Фомичев). Они приняты в новейшем, пересмотренном и дополненном издании авторитетной «Летописи жизни и творчества Александра Пушкина» М.А. Цявловского под ред. Я.Л. Левкович (Летопись 1999 I: 377, 403) и широко вошли в исследовательский обиход (см., например: Шварцбанд 2004: 180 и др.).

Поскольку эти выводы кардинально меняют представления о творческой истории «Цыганов» и целого комплекса текстов 1824 года, попытаемся вникнуть в систему аргументации пушкиниста с возможной внимательностью и оценить ее с возможным беспристрастием.

Как известно, тетрадь 835 начинается (на л. 1–2) письмом правителю канцелярии Воронцова А.И. Казначееву — текстом, *точно датированным* самим Пушкиным: 22 мая <1824 года>. Это обстоятельство исследователя, однако, не смутило: «Тетрадь ПД № 835 открывается пушкинской датой „22 мая 1824 г.“, которую мы находим в начале л. 1 перед черновиком письма А.И. Казначееву с отказом ехать „на саранчу“. Трудно, однако, допустить, что новую рабочую тетрадь Пушкин завел для черновика письма». Новую тетрадь, по убеждению Фомичева, Пушкин завел специально для работы над поэмой «Цыганы», начатой в тетради 834 (причем работа в тетради 834 продолжалась и после появления тетра-

ди 835, только сконцентрировалась она преимущественно на «Евгении Онегине»): «На л. 3 он начинает переписывать из тетради ПД № 834 на-бело эпизод поэмы, посвященный появлению в таборе Алеко. Два предыдущих листа были оставлены чистыми — вероятно, для перенесения сюда из тетради ПД № 834 начала поэмы». Письмо Казначееву, на листах, оставленных для начала «Цыганов», появляется в тетради только через два с половиной месяца

Какие же основания были у С.А. Фомичева для пересмотра хода заполнения тетради и для новой датировки текстов в начале ее? Основанием послужили цифровые вычисления, записанные пушкинской рукой на полях текста «Цыганов» (л. 3 об.). Вот как выглядят они в транскрипции С.А. Фомичева:

150			
	[100]		
150			
200 Б			
300 О.		150	
300 Ч.		150	
200			
			150
			15
			20
			15
			[14]

Размышляя над этими расчетами, исследователь пришел к таким заключениям: «*Мы полагаем, что это денежные записи. Очевидно, числа, после которых стоят прописные буквы, обозначают долги Пушкина определенным его одесским знакомым. Естественно предположить, что подсчет долгов (наверное, первоочередных) предпринят Пушкиным в связи с получением какой-то значительной суммы денег. Мы знаем, когда это произошло*» (Фомичев 1983: 30–31). Далее, приведя известное письмо Пушкина Вяземскому от 8 марта 1824 года (в котором Пушкин благодарит корреспондента за удачную продажу «Бахчисарайского фонтана»), С.А. Фомичев резюмирует: «Подсчет общей суммы записанных столбиком чисел (между двумя горизонтальными линиями) позволяет определить, что Пушкин *получил в тот день тысячу рублей. Из них 800 нужно было срочно отдать кредиторам. Оставалось у Пушкина, следовательно, лишь 200 рублей — это число и записывается ниже без буквенной пометы. После этого Пушкин, вероятно, пометил справа мелкие свои долги. От двухсот рублей оставалось лишь 150. Это число и повторено Пушкиным несколько раз, причем дважды в рамке. Письмо Вяземскому Пушкин «пишет едва ли не в тот день, когда получает „посылку“. Стало быть, работа над „Цыганами“ — в новой тетради — возобновилась вскоре после 8 марта 1824 г.»* (Фомичев 1983: 31; курсив всюду мой).

Первое

Первое, что здесь бросается в глаза, — это очевидное противоречие между смелостью выводов и зыбкостью их фактической базы.

Казалось бы, не требует специального обоснования положение: нетворческие, в частности — невербальные пометы, не поддающиеся однозначной интерпретации (подсчеты, зарисовки, монограммы и т.п.), можно использовать при изучении творческой работы — как для смысловых толкований текста, так и для его датировок — только с крайней осторожностью и всегда лишь в качестве *дополнительных* доказательств, способных подкрепить другие, более весомые аргументы. Превращение их в *основные* (тем более — *единственные*) доказательства — риск, чреватый результатами, которые в состоянии подорвать доверие к самим методам текстологической работы. Между тем С.А. Фомичев опирается в своих соображениях именно и только на такие нетворческие пометы. Поэтому система его аргументации оказывается недостаточной.

Строго говоря, нельзя даже утверждать с полной уверенностью, что расчеты на л. 2 об. — это «денежные записи», тем более — перечень долгов (большинство вычислений в тетрадах 834 и 835 — это подсчеты стихов и строф). Тем не менее принять вывод С.А. Фомичева как *рабочую гипотезу* допустимо: по некоторым графическим признакам запись напоминает записи карточных проигрышей и долгов Пушкина в июле–октябре 1828 года (см.: Рукою Пушкина 1935: 356–357, особенно с. 357–358; ср. комментарий М.А. Цявловского там же). Однако из этого вывода совершенно не следует с неизбежностью другой (сделанный Фомичевым): что подсчеты произведены «в связи с получением какой-то значительной суммы денег». Напротив, хорошо известно, что Пушкин обычно составлял списки долгов не накануне их возвращения, а «впрок», чаще всего тогда, когда свободных денег у него не было и расплатиться в ближайшее время с кредиторами не представлялось возможным (помимо упомянутых выше записей карточных проигрышей см. записи долгов за 1834 и 1836 годы; большинство из них остались невыплаченными до самой смерти поэта [Рукою Пушкина 1935: 362–364, 383–384]). Так что было бы «естественно предположить» скорее, что денежные записи сделаны в ту пору, когда никакой крупной суммы Пушкин не получал...

В том, что записи имеют отношение к первой выплате пушкинского гонорара за «Бахчисарайский фонтан», дополнительно заставляет усомниться... то самое письмо Пушкина к Вяземскому от 8 марта 1824 года, которое использовано Фомичевым для датировки «денежных расчетов»: подобные расчеты естественнее было производить рядом с письмом, в котором отразилась непосредственная реакция на удачную продажу. Между тем черновик этого письма находится в тетради 834 (л. 50 об. — 51), а расчеты почему-то переносятся в другую тетрадь, специально заведенную для новой поэмы...⁵

Таким образом, *единственное* предложенное С.А. Фомичевым обоснование того, что работа над «Цыганами» (а вместе с ней и систематическая работа в тетради 835) началась около 8 марта⁶, строится на гипотетическом (и уязвимом в различных отношениях) истолковании цифровых записей на л. 3 об., установить смысл и определить связь которых с окружающим контекстом пока не представляется возможным.

Похоже, исследователя укрепило в его убежденности еще одно открытие, которое, по его мнению, подтверждает, что работа над поэмой (и над сопутствующими ей текстами) в тетради 835 не только началась, но и *продолжилась* в марте 1824 года. С.А. Фомичев называет даже *точную дату*, обозначающую хронологические рамки определенного цикла работы: «На л. 8 Пушкин записывает по памяти стихотворение Жуковского, напечатанное в 1816 г. в журнале „Сын Отечества“ (№ 14) под названием „Стихи, петье на празднестве английского посла лорда Каткарта, в присутствии Е. И. Величества“. Стихи эти пелись у посла 28 марта 1816 г., в день первого отречения Наполеона. Между тем 28 марта 1824 г. Пушкин возвратился из кратковременной поездки в Кишинев. *В дороге было достаточно времени для размышлений, и, вероятно, Пушкин именно тогда вспомнил о десятой годовщине отречения Наполеона от власти.* Известно, что Пушкин бережно хранил в памяти даты важнейших событий своего времени. Именно потому, как нам кажется, не будет слишком смелым предположением датировка записи Пушкиным стихотворения Жуковского 28 марта 1824 г.» (Фомичев 1983: 31; курсив мой).

Объяснение даты записывания Пушкиным стихов Жуковского датой их первого публичного исполнения при всей внешней эффективности не выглядит вполне убедительно. Эти стихи Пушкину уже доводилось припоминать в 1821 году, когда он создавал свою оду «Наполеон»; ода оказалась насыщена отголосками и реминисценциями текста Жуковского (см., например, комментарий Ф.З. Кануновой в издании: Жуковский 2000 I: 446–447). Однако поводом для создания оды (и, соответственно, для «припоминания» стихов Жуковского) послужила не годовщина пения стихов Жуковского у британского посла/годовщина первого отречения французского императора, а известие о смерти Наполеона, дошедшее до Кишинева с трехмесячным опозданием (18 июля 1821 года). Вообще, насколько можно судить, дата *первого* отречения Наполеона не принадлежала в сознании Пушкина к числу «важнейших событий его времени». Иное дело *второе*, окончательное отречение, за которым последовали «мрак ссылки», смерть в изгнании — и новая страница в истории человечества. Это — последнее и роковое — отречение состоялось 22 июня 1815 года по григорианскому (европейскому) календарю, по принятому же в России юлианскому — 10 июня. Как раз *эта* дата могла бы пролить свет на время записи Пушкиным стихов Жуковского⁷. Не естественнее ли считать, что наброски «наполеоновских»

стихотворения

стихотворения «Зачем ты послан был и кто тебя послал?..» (л. 6 об. и 7) и несомненно соотнесенная с ними запись стихов Жуковского (л. 8) как-то связаны с годовщиной последнего отречения? К началу июня как времени создания и записи наполеоновских текстов заставляет склониться совокупность исторических, биографических и палеографических данных: все «наполеоновские» тексты в тетради 835 окружены июньскими записями: на следующем листе после стихотворения «Зачем ты послан был и кто тебя послал?...» и перед записью стихов Жуковского — стихотворение «Кораблю» (которое сам Фомичев признает написанным в *середине июня*); на оборотной стороне записи стихов Жуковского — второе письмо Казначееву, написанное *не раньше начала июня*, и т.п. С.А. Фомичев предпочел, однако, логике контекста логику концепции и поступил иначе: вместо того чтобы усомниться в мартовской датировке записи стихов Жуковского, он, напротив, передатировал пушкинское «Зачем ты послан был...» (в ПСС предположительно относившееся к июню)... временем *около 28 марта*. Дата, явившаяся в результате догадки (и требующая дополнительных обоснований), сама превратилась в основание для новых датировок. (Заметим, что это потребовало затем от исследователя специальных, очень запутанных объяснений соседства мартовских текстов с июньскими.)

Обозначив на листах 3 об. — 8 Второй масонской тетради две хронологические вехи — 8 марта и 28 марта, Фомичев тем самым выделил блок написанных между этими крайними датами текстов: продолжение «Цыганов», письмо Татьяны из «Евгения Онегина», «Зачем ты послан был и кто тебя послал...» и еще несколько мелких сочинений, в частности — несколько строф Третьей главы⁸. Не остановившись на этом, исследователь попытался детализировать хронологию внутри получившегося отрезка. Наибольший интерес в связи с нашей темой представляет датировка «Письма Татьяны». Поскольку текст «письма» появляется через страницу после первого в тетради сегмента «Цыганов», то, установив дату начала работы над соответствующей частью «Евгения Онегина», мы можем установить и примерное время завершения работы над этой частью «Цыганов»... Фомичев не только называет эту дату, но и объясняет, почему письмо Татьяны появилось не в тетради 834 (где, по его мнению, работа над «Онегиным» продолжалась *после того*, как Пушкин начал новую тетрадь), а в тетради 835, специально заведенной для «Цыганов».

По его предположению, дело происходило примерно так: отправляясь около 12 марта в Кишинев (по приглашению Ф.Ф. Вигеля), Пушкин взял с собою тетрадь 835, чтобы в условиях, приближенных к месту действия «Цыганов», продолжить приостановившуюся было работу над поэмой. На пути в Кишинев Пушкина посетило неожиданное вдохновение — неожиданное потому, что явилось оно не к автору «Цыганов» (на

что рассчитывал сам Пушкин), а к автору «Евгения Онегина»: у Пушкина внезапно родился замысел письма Татьяны! Поскольку же поэт захватил с собой в дорогу не Первую масонскую тетрадь («онегинскую»), а Вторую («цыганскую»), то ему поневоле пришлось записывать письмо Татьяны именно туда. Так определилось приблизительное время завершения работы над первым фрагментом «Цыганов» в тетради 835 — около 12 марта, в канун отъезда в Кишинев. И так получило «объяснение» появление письма Татьяны в не предназначенной для него тетради...

Объяснение, конечно, изобретательное, но ставящее читателя перед новыми противоречиями. Как известно, в окончательном тексте Третьей главы письму Татьяны предшествует 31-я строфа поэтического текста. За время от 8 февраля до 8 марта Пушкин успел написать в тетради 834 шесть строф Третьей главы; работа над последней из них продолжена на листе после черновика письма Вяземскому от 8 марта (л. 51 об.). Далее в тетради вырвано около 15 листов, на которых, видимо, находилось продолжение текста «Евгения Онегина». В тетради же 835 (перед письмом Татьяны) черновики новых строф начинаются со строфы ХХІХ (л. 2). Отсюда логично было бы заключить, что на вырванных листах тетради 834 должны были находиться черновики строф VII–XXVIII (т.е. почти половина Третьей главы; напомним, впрочем, что некоторые строфы появились позже). Но между 12–28 марта Пушкин написать их не мог (в Кишиневе, согласно Фомичеву, соответствующей тетради с ним не было); значит, получается, что он создал все эти строфы в Одессе, в промежутке с 9 по 11 марта, параллельно работая над «Цыганами» в другой тетради!.. Даже зная о том, насколько интенсивной могла быть пушкинская литературная работа, подобную скорость следует признать маловероятной. Фомичев разрешает возникшее противоречие так: по его заключению, большей части строф Третьей главы до письма Татьяны вообще не существовало (в тетради 834 после письма Вяземскому, по его мнению, было написано не больше десяти строф). Письмо Татьяны оказалось полной неожиданностью для самого автора, и введение его в текст романа потребовало перестройки всего замысла — в частности, потребовалось *присочинить* строфы, предшествующие в окончательном тексте письму Татьяны и готовящие его появление (разговор Татьяны с няней, авторские рассуждения о русском эпистолярном языке вообще и о языке Татьяны в частности, характеристика письма и т.п.). Эти строфы Пушкин сочиняет задним числом, уже по возвращении в Одессу. Большую часть их он записал то ли в тетради 834 (на листах, впоследствии вырванных), то ли в какой-то другой, не дошедшей до нас, а небольшую часть — в тетради 835, перед письмом Татьяны (то, что они оказались *перед* письмом, не должно вводить читателя в заблуждение: просто Пушкин использовал для них свободные места). Так, повторим, предстает дело в изложении С.А. Фомичева...

Если

ИЗ ИСТОРИИ ОДЕССКОГО ТЕКСТА ПОЭМЫ ПУШКИНА «ЦЫГАНЫ»

Если в статье 1983 года все эти головокружительные реконструкции все же сохраняли намек на гипотетичность («...все становится на свое место, *если предположить*, что в Кишинев Пушкин взял с собой тетрадь ПД № 835, *намереваясь, вероятно, работать над „Цыганами“* <...> Однако здесь неожиданно возник замысел письма Татьяны» [Фомичев 1983: 38; курсив мой. — О.П.]), то в новейшей монографии о «движении замысла» «Евгения Онегина» они преподносятся уже как твердо установленные биографические факты, известные до мельчайших деталей: «В марте 1824 г. Пушкин собирался отправиться из Одессы в Кишинев, по приглашению Ф.Ф. Вигеля. *Готовясь к этой поездке, он переписал на л. 3 Второй масонской тетради (ПД 835) из тетради ПД 834 последний эпизод январского черновика поэмы „Цыганы“*, оставив чистыми в тетради ПД 835, чтобы потом, вероятно, внести в них начало той же поэмы. *Ему кажется, что именно там, в Бессарабии, где разворачиваются события в цыганском таборе, замершая было работа над поэмой наконец подвигнется. Но в Кишиневе (куда он отправился 12 марта) неожиданно — возможно, еще в дороге — родился новый замысел.* На л. 5 тетради ПД 835 Пушкин набрасывает конспект письма Татьяны к Онегину...» (Фомичев 2005: 56; курсив всюду мой. — О.П.). Читатель, незнакомый с исследованием о Второй масонской тетради и с *сугубо гипотетическим* характером его доказательной базы, никогда не догадается, что в этом красочном рассказе *все* биографические обстоятельства и *все* захватывающие подробности творческого процесса — не более чем продукт «предположений» (авторский термин) С.А. Фомичева...

Остается досказать историю заполнения начала тетради 835 в версии Фомичева. Итак, Пушкин возвращается в Одессу. 28 марта он вспоминает и записывает стихи Жуковского. «После этой даты (*отсутствующая в тетради дата*, плод исследовательской «реконструкции», явочным порядком материализовалась. — О.П.), очевидно, следует дата, поставленная в начале тетради (22 мая)». После 22 мая (но до 2 июня) Пушкин записывает — на пробелах, оставшихся на разных листах в начале тетради (на л. 2 об., 2, 3 об. и 4), — кое-какие строфы Третьей главы (из тех, что должны *предшествовать* письму Татьяны). Вскоре после 2 июня Пушкин записывает второе письмо Казначееву на л. 8 об. — 9; а 14 июня на л. 7 об. набрасывает стихотворение «Кораблю». Затем, после второго письма Казначееву, на л. 9 об. появляется второй кусок «Цыганов», который Фомичев склонен датировать самым последним временем пребывания Пушкина в Одессе...

Проведенные реконструкции дают основание С.А. Фомичеву сделать некоторые общие выводы относительно характера работы Пушкина во Второй масонской тетради: «...работа в начале тетради ПД № 835 велась с первых чисел марта (около 8-го) 1824 г., с л. 3, с *постоянным возвращением время от времени к пробельным листам и частям страниц*»

(Фомичев 1983: 31; курсив мой)». Это заключение (как и его вариации в других частях статьи) с сочувствием цитируется современными авторами (см.: Шварцбанд 2004: 99–100).

Но действительно ли такое «постоянное возвращение» имело место с самого начала работы Пушкина над тетрадью?..

В свое время выдающийся текстолог и знаток пушкинских рукописей С.М. Бонди характеризовал работу Пушкина во Второй масонской тетради (ПД 835; тогда — тетради № 2370, хранившейся в Публичной библиотеке им. Ленина) так: «Начал в ней писать Пушкин в Одессе, 22-го мая 1824 г. (черновик письма к А.И. Казначееву на листах 1 и 2) и заполнял ее почти до конца (до листа 75) *подряд* (за небольшими очень явными исключениями)» (Бонди 1931: 157; выделено автором).

Под «небольшими исключениями» Бонди, в частности, имел в виду некоторые мелкие стихотворения, написанные в Михайловском в самом конце 1824 года, но записанные на листах, относящихся к заведомо более раннему периоду заполнения тетради (так, беловик стихотворения «О жены чистые пророка» из цикла «Подражания Корану» оказался записан на л. 9, т.е. под одесским письмом Казначееву!). Природа этих «исключений» совершенно ясна: в самом конце ноября — начале декабря 1824 года Пушкин приступил к работе над «Борисом Годуновым» (подготовительные записи появляются на л. 44; следующие листы заняты планом трагедии и текстом первых пяти сцен). Он предполагал посвятить работе над трагедией — этапным для него замыслом — все оставшиеся листы тетради¹⁰. Сочинявшиеся или обрабатывавшиеся тогда мелкие стихотворения не должны были перебивать течения этой работы — для них оказались отведены незаполненные места на более ранних листах. Таким образом, михайловским «исключениям» можно дать вполне ясные логические объяснения.

Совершенно иначе обстоит дело с заполнением тетради в Одессе. «Постоянным возвращением к пробельным листам и частям страниц» в *начале* тетради сколько-нибудь удовлетворительных объяснений дать невозможно. Летом 1824 года перед Пушкиным лежала новая, незаполненная тетрадь, объемом около 90 листов. Он не был стеснен ограниченным пространством и мог двигаться вперед совершенно свободно. Экономить место у Пушкина не было никаких причин. Он этого, судя по всему, и не делал. За Пушкина это сделал исследователь. Утверждение о «постоянных возвращениях» Пушкина к незаполненным листам и пробелам в начале тетради — это не *вывод*, следующий из анализа тетради, а *мотивировка* искусственных исследовательских построений (призванная, в частности, как-то объяснить, почему поздние тексты здесь регулярно предшествуют текстам, по мнению автора, более ранним).

Подведем итоги. Все произведенные С.А. Фомичевым датировки — относящиеся к работе над тетрадью в целом и к работе над поэмой

«Цыганы»

«Цыганы» в частности — построены не на соположении фактов, а на соположении недоказанных или недоказуемых гипотез. Даже если признать *вероятность* некоторых (немногих) из выдвинутых Фомичевым гипотетических предположений, из них совершенно не вытекают с логической неизбежностью те выводы, которые делает на их основании исследователь. Поскольку выдвинутые гипотезы часто вступают в слишком явные противоречия с фактическим материалом, преодолеть эти противоречия приходится с помощью новых гипотез. Поневоле каждое новое гипотетическое «объяснение» все дальше уходит от фактической почвы в область «предположений», так что в конце концов автор вынужден попросту *придумывать* подходящие к его концепции «биографические обстоятельства». Так явились пушкинские долги, потом — время и обстоятельства их выплаты, потом — поездка в Кишинев для наблюдения за жизнью цыган в полевых условиях, потом — неожиданное озарение, посетившее автора в путешествии, потом — воспоминания о годовщине первого отречения Наполеона (и о стихах Жуковского), дописывание начальных стрóf Третьей главы «Онегина» задним числом и т.д. и т.п.

Тем не менее, даже удалившись от известных фактов в измерение, где перестает ощущаться сопротивление материала, исследователь не смог ликвидировать всех концептуальных противоречий и свести *все* концы с концами. Несмотря ни на что, в интерпретации Фомичева порядок заполнения начальных листов тетради оказывается немотивированно прихотливым, не поддающимся удовлетворительным рациональным объяснениям.

Словом, введение гипотез С.А. Фомичева в широкий академический (и читательский) оборот в качестве *научно доказанных фактов* произведено слишком поспешно, без должной критической проверки. Предпринятую им попытку передатировать работу Пушкина в начале тетради 835 (в частности, отнести к *марту* начало работы в ней над поэмой «Цыганы») следует признать неудавшейся, значительно менее убедительной и куда менее обоснованной, чем «старая» датировка.

4 работа во Второй масонской тетради

Так зачем же и когда Пушкин начал новую — Вторую масонскую — тетрадь (ПД 835)? И когда, соответственно, продолжилась в ней работа над «Цыганами»?..

Судя по всему, новую тетрадь Пушкин начал не потому, что намеревался использовать ее для работы над новой поэмой (оставив Первую масонскую тетрадь для «Евгения Онегина»), а потому, что старая тетрадь подошла к концу¹¹. Хотя последние листы Первой масонской тетради вырваны, мы можем предположить, что они, видимо, были заняты в основном текстом Третьей главы «Онегина». Не ранее конца

10-х чисел мая Пушкин создает первую редакцию послания Чаадаеву («К чему холодные сомненья?»), но в конце тетради уже не оставалось свободного места: для нового сочинения Пушкин вынужден был искать чистые листы внутри тетради. Такими оказались л. 44 об. — 45 — последние незаполненные листы в промежутке между концовкой Второй главы «Онегина» и «Цыганами» (см. выше). Именно там и появилось Послание — по-видимому, последний текст в Первой масонской тетради (см. об этом: Пушкин 2007: 360–361; подробнее — в моей статье «Баснословный памятник», готовящейся к печати в журнале «Новое литературное обозрение»).

22 мая Пушкин начинает новую тетрадь — Вторую масонскую. В ней была продолжена работа и над поэмой «Цыганы», и над романом в стихах «Евгений Онегин». Но продолжилась эта работа не сразу.

Первая запись в новой тетради — уже многократно упоминавшееся письмо Казначееву от 22 мая, вызванное унижительным (как казалось Пушкину) предписанием Воронцова отправиться «на саранчу». То, что Пушкин возобновил работу над «Цыганами» *в тот же день*, — крайне маловероятно; Пушкину было тогда не до поэм (ср. описание его тогдашнего состояния в воспоминаниях Вигеля [Пушкин в воспоминаниях 1998 I: 220]).

23 мая Пушкин (как утверждает Вигель — по совету А.Н. Раевского) все же отправился в унижительную инспекционную командировку. Т.Г. Цявловская в дополнениях к «Летописи жизни и творчества...» М.А. Цявловского совершенно справедливо отметила, что Вторую масонскую тетрадь Пушкин с собою в поездку не брал (Летопись 1999 I: 512, примеч. 339–341). Тетрадь эта была слишком велика и крайне неудобна для работы в дороге (а сколько-нибудь длительных остановок — при объеме полученного задания — не предполагалось). Дата возвращения Пушкина в Одессу не вполне ясна. С одной стороны, имя «коллежского секретаря Пушкина» отмечено в *Journal d'Odessa* (№ 59) среди лиц, прибывших в Одессу между 29 мая и 1 июня (Летопись 1999 I: 403). С другой — Михаил Орлов в письме жене от 29 мая сообщал, что Пушкин вернулся в Одессу *вчера* (Гершензон 1906: 308). Противоречие снимется, если предположить, что письмо Орлова, датированное 29 мая, было написано в ночь с 29 на 30 мая и что «вчера» (как часто бывает в таких случаях) отнесено к событиям только что минувшего дня.

Таким образом, работа над «Цыганами» во Второй масонской тетради не могла возобновиться ранее 29 мая, т.е. дня возвращения Пушкина в Одессу. Вероятнее, однако, что произошло это еще позже и к работе над «Цыганами» Пушкин приступил не сразу: в тетради 835 поэме предшествует несколько записей на л. 2, 2 об. и 3. Если некоторые из этих текстов (черновики строф «Евгения Онегина» и в особенности начало эпиграммы на Воронцова) еще можно счесть позднейшими записями

ИЗ ИСТОРИИ ОДЕССКОГО ТЕКСТА ПОЭМЫ ПУШКИНА «ЦЫГАНЫ»

записями, то наброски строфы XXXII в верхней части л. 2 об. и ранний вариант стихотворения «Приют любви, он вечно полн» (наверху л. 3; исправленная версия стихотворения, с учетом правки на л. 3, появилась на л. 6)¹² определенно сделаны до возобновления работы над «Цыганами». Текст стихотворения «Приют любви...» на л. 3 (шесть строк, считая строки поверх зачеркнутых) находится над текстом поэмы. Предположить, что набросок *вписан* над поэмой позднее, невозможно: расстояние между верхним обрезом страницы и первой строкой текста «Цыганов» составляет около 8 см. Мы уже знаем, что, начиная новый текст, Пушкин не оставлял без особых причин столь большого пробела между начальной строкой и верхним краем страницы. Это определенно означает, что поэма была возобновлена после того, как текст стихотворения (и одновременно с ним написанный текст наброска к строфе XXII) уже находились в тетради. Несомненно, потребовалось какое-то время, чтобы Пушкин набросал на л. 2 об. — 3 новые тексты и затем — сменив перо! — приступил к «Цыганам». Таким образом, мы можем заключить, что работа над «Цыганами» во Второй масонской тетради возобновилась *в самом конце мая (после 29) — начале июня*.

На л. 3 Пушкин записывает набело 20 стихов «Цыганов» (от «Веду я гостя» до «Да селы обходи с медведем») — это переработанная и дополненная версия текста, на котором поэма заканчивалась в тетради 834. Потом беловик переходит в черновик (еще примерно 20 стихов, не считая вариантов) и на л. 3 об. доходит до сцены пробуждения старым цыганом Земфиры и ее возлюбленного. Текст заканчивается словами: «Поднялся табор».

Сразу после этих слов Пушкин делает прочерк; под ним появляется черновик строфы XXX Третьей главы «Онегина». Вверху следующего л. 4 Пушкин записывает беловик 12 стихов строфы «Я помню море пред грозою...» (которая впоследствии станет строфой XXXIII Первой главы «Евгения Онегина»), дополненный затем черновым заключительным двестишестем и подвергнутый правке.

История этой строфы очень прихотлива и потому нередко трактовалась ошибочно (наиболее обстоятельно и корректно история строфы изложена в работе: Винокур 1990: 146–150). Для строфы Пушкиным были использованы наброски к неосуществленной лирической поэме «Таврида» (1822) (ПД № 832, л. 12 об.). В 1824 году Пушкин начал перерабатывать прежний астрофический текст в онегинскую строфу — сначала еще в старой, так называемой Второй кишиневской тетради (ПД № 832, л. 16 об.), а затем перенес результат работы в тетрадь 835.

Г.О. Винокур совершенно справедливо заметил: «Нет никакого сомнения, что строфа XXXIII 1-й главы „Евгения Онегина“ является *вставной строфой*» (Винокур 1990: 149). Природа строфы многое объясняет в ее последующей судьбе. Записывая ее во Второй масонской тетра-

ди, Пушкин, бесспорно, уже рассматривал эти стихи как часть «Онегина», но еще не нашел для них точного места в романе, а потому записал стихи, так сказать, «про запас». Еще осенью 1824 года в тексте беловика Первой главы, переданном брату Льву для печати, этой строфы не было. Она была вставлена «вдогонку» (возможно, как своего рода приношение Е. Воронцовой, заочную стадию влюбленности в которую Пушкин тогда переживал). Именно потому, что это *вставная* строфа, она выглядит в Первой главе не вполне органично (эту неорганичность большинству читателей мешает видеть привычка, заставляющая в искусственности и в противоречиях искать потайной эстетический смысл)¹³.

Другой ранний пушкинский автограф той же «морской» строфы — небрежный беловик на сложном письме Пушкина брату Льву от 13 июня 1824 года (воспроизведено: Левичева 2001: 386). Этот автограф — *позднейший* по отношению к тетради 835: текст, набросанный на письме, *учитывает всю правку, сделанную на первом слое автографа во Второй масонской тетради*¹⁴. Это означает, что строфа в первоначальной версии появилась в тетради во всяком случае до 13 июня 1824 года, скорее всего за несколько дней до письма (потребовалось время на дописывание и правку стихов; кроме того, записывая стихи на письме, Пушкин их определенно не списывал, а *припоминал*: в одном месте он сначала описался в эпитете, затем поправился). Это означает также, что кусок «Цыганов», законченный на предыдущей странице, написан до 13 июня, и скорее всего — несколькими днями раньше. Это не слишком много для точной датировки, но все же крайняя дата (*terminus ante quem*) у нас теперь есть.

На л. 4 об. появляется наконец строфа, подводящая к центру Третьей главы («Письмо Татьяны предо мною») и начинается текст письма Татьяны. На л. 6 об. — 7 окончание письма перебивается набросками «наполеоновского» стихотворения «Зачем ты послан был и кто тебя послал»: лирические излияния влюбленного героини («Кончаю... страшно перечесть») соседствуют здесь с чеканными инвективами политической лирики («И горд и наг пришел Разврат...»). Это означает, что после исключительного творческого напряжения и подъема (что называется обычно вдохновением) наступила разрядка. Пушкин уже мог отвлекаться на параллельные замыслы, сопровождавшие его роман в стихах. На первый план вновь выдвигается поэма.

На полях л. 7 об., слева от черновика строфы XXXII Третьей главы «Онегина» («Татьяна то вздохнет, то охнет...») Пушкин неожиданно записывает фразу: «Шатры разобраны». Эта фраза представляет собою не что иное, как поправку к «Цыганам» (не учтенную в «Вариантах» к поэме в ПСС и не отмеченную в Описании тетради 835). В тексте, завершавшемся на л. 3 об., старый цыган будил Алеко и Земфиру, сообщая, что табор уже поднялся. Его призыв заканчивался словами:

Уж наши

ИЗ ИСТОРИИ ОДЕССКОГО ТЕКСТА ПОЭМЫ ПУШКИНА «ЦЫГАНЫ»

Уж наши верные телеги
Готовы двинуться в поход.
Поднялся табор.

На л. 9 об. Пушкин продолжит поэму, по обыкновению начав продолжение с переписанных и слегка переделанных заключительных стихов предыдущего чернового фрагмента. В новом сегменте соответствующие строки учитывали поправку на полях л. 7 об.:

Оставьте дети ложе неги
И с криком высыпал народ.
Шатры разобраны; телеги
Готовы двинуться в поход

Далее текст переходит в черновой и доводится до конца страницы. Он заканчивается стихом: *Как песнь рабов однообразной*. Несомненно, весь текст на л. 9 об. записан в один заход: от начала до конца страницы почерк, перо и чернила тождественны (только, может быть, последние четыре стиха вписаны хотя в тот же день, но чуть позже основного текста, несколько более мелким шрифтом).

К какому же времени мы можем отнести эту часть «Цыганов»?.. И Г.О. Винокур, и С.А. Фомичев склонны датировать ее июнем–июлем 1824 года. Однако, учитывая тесную связь между записями на л. 7 об. и л. 9 об., мы можем попытаться датировать ее более конкретно.

Пока мы знаем только, что предшествующая работа была начата в конце мая — самом начале июня и закончена *за некоторое время* до 13 июня. Ничего большего мы сказать не могли по недостатку данных. По отношению ко второму сегменту «Цыганов» такие данные появляются: между поправкой к стиху поэмы и текстом, использовавшим эту поправку, находятся уже знакомые нам стихи Жуковского, записанные по памяти, и черновик эпистолярного текста. Поскольку большого разрыва во времени между текстами на л. 7 об. и л. 9 об. (взаимно связанными друг с другом) быть не должно, то датировка прослойки между ними способна помочь нам установить и примерную дату работы над этой частью поэмы.

Мы уже отмечали возможность датировки записи стихов Жуковского временем около 10 июня, годовщины отречения Наполеона (см. раздел 3), но, конечно, эта датировка гипотетична. Куда более надежные результаты в этом смысле могло бы дать расположенное рядом письмо, если оно поддается датировке. Но первоначальный результат может показаться обескураживающим: эпистолярный текст на л. 8 об. — 9 — это уже не раз упоминавшееся второе письмо Казначееву, которое традиционно датируется временем *около 2 июня*, т.е. тем временем, когда, по

нашим расчетам, Пушкин только возобновил работу над поэмой в тетради 835!.. Конечно, можно было бы выдвинуть такую версию: по каким-то соображениям Пушкин, записав в новой тетради первое письмо Казначееву (22 мая), начал работать над «Цыганами», затем перелистнул пять листов и уже там записал июньское письмо Казначееву. Затем он продолжил работу на предшествующих страницах, добравшись со временем и до письма... Но исследователь, желающий быть методически честным перед собой, должен признать, что никаких оснований у Пушкина для подобных действий не было.

Значит, одно из двух: либо неверны наши расчеты и соображения, либо неверна традиционная датировка письма. Попробуем разобраться.

В старых изданиях Пушкина письмо Казначееву датировалось *началом июня 1824 года* (см., например: Пушкин 1926: 81). Уточненная датировка — *Начало (после 2) июня 1824 года, Одесса* — утвердилась после Большого академического Полного собрания сочинений (XIII: 95). Эта дата опирается на эпизод пушкинской биографии, который в «Летописи...» М.А. Цявловского излагается так: «Июнь, 2 [1824]. Пушкин пишет прошение на высочайшее имя об отставке, „по слабости здоровья не имея возможности продолжить... служения“» (Летопись 1999 I: 403). Поскольку в письме Казначееву Пушкин обсуждает последствия отставки, то естественно, казалось, было заключить, что и само письмо написано вскоре после этого события. Более того, некоторые исследователи склонны сблизжать прошение Пушкина и связанное с ним письмо еще теснее. Так, Т.И. Левичева замечает: «Как нам кажется, письмо написано в тот же день, т.е. 2 июня, когда все было свежо и досадно» (Левичева 2001: 66; курсив мой). Соответственно, публикуя текст этого письма в новой транскрипции, исследовательница ставит при нем дату «2 июня» (правда, все же со знаком вопроса) (Левичева 2001: 165, 166).

Заметим, что в тексте прошения Пушкина на высочайшее имя, опубликованном П.Е. Щеголевым в 1930 году, точной даты нет вообще — на месте числа оставлен пропуск: «Июня дня 1824 года Одесса» (текст воспроизведен Л.Б. Модзалевским по публикации Щеголева: Рукою Пушкина 1935: 836). В публикации того же документа в академическом ПСС на месте лакуны появилось 2 июня (XIII: 356), а в примечании — указание, что в статье Щеголева письмо опубликовано «с рядом неточностей» (XIII: 521). Но при уточненной перепечатке пропала важная информация. Для датировки письма Пушкина Казначееву, конечно, важно не время написания (и даже не время отправки) пушкинского официального письма, а время знакомства с ним Казначеева: разумеется, правитель канцелярии новороссийского генерал-губернатора мог откликнуться на прошение Пушкина *не раньше того*, как оно поступило в его ведомство. Это время нам известно. На прошении имеется помета, сделанная в канцелярии Воронцова: «Пол.<учено> 8 Июня 1824 г.» (Рукою

ИЗ ИСТОРИИ ОДЕССКОГО ТЕКСТА ПОЭМЫ ПУШКИНА «ЦЫГАНЫ»

(Рукою Пушкина 1935: 836; ср.: Щеголев 1987: 252; Пушкин: Документы 2007: 426). Правда, в академическом ПСС соответствующая помета почему-то воспроизведена не была и, соответственно, со временем выпала из сферы внимания пушкинистов...

Но и это еще не все! Дело в том, что в 1824 году 8 июня приходилось на *воскресенье*. Если даже экспедиция Канцелярии в этот день фиксировала поступление бумаг (что крайне сомнительно; скорее всего, эта дата была — намеренно или по небрежности — проставлена на бумаге, поступившей в канцелярию либо в самом конце недели, либо, наоборот, в понедельник), то с полной уверенностью можно утверждать, что самого правителя канцелярии в воскресный день в присутствии, конечно, не было. Следовательно, Казначеев мог познакомиться с прошением Пушкина *не ранее 9 июня* (одновременно с Воронцовым, в тот же день переправившим письмо графу Нессельроде, формальному начальнику Пушкина). Соответственно, *не раньше этого дня* Казначеев письменно известил Пушкина о том, что его прошению дан ход, прибавив к официальному извещению свои неофициальные сожаления. Потребовалось еще какое-то время, чтобы письмо правителя Канцелярии было доставлено адресату (городской почты тогда в Одессе не существовало). Только после этого Пушкин мог засесть за ответ... Исходя из вышесказанного, мы можем заключить: ответное письмо Пушкина Казначееву следует датировать никак не временем вскоре после 2 июня и уж тем более не самим этим числом, а временем *после 9 июня*, вероятнее всего — самым началом 10-х чисел. Медлить Пушкину также не приходилось: 14 июня Казначеев отплыл в Крым вместе с семейством Воронцовых¹⁵.

Таким образом, письмо Казначееву, на первый взгляд путающее карты исследователю, на практике оказалось важнейшим подспорьем для датировки второго сегмента «Цыганов» в тетради 835. Судя по всему, тексты на л. 7 об. — 9 об. (в том числе и «Цыганы» на л. 9 об.) относятся ко времени между получением известия о судьбе пушкинского прошения и отъездом Воронцовых и их одесского «двора» в Крым, т.е. ко времени между 9 и 14 июня 1824 года¹⁶.

В письме Льву от 13 июня Пушкин сообщает: «Теперь я ничего не пишу; хлопоты другого рода». Это признание — судя по всему, не только фигура речи (как могло бы показаться): во всяком случае, в тетради 835 после завершения куска «Цыганов» до отъезда Пушкина из Одессы никаких новых текстов не появилось.

К 27 июня 1824 года относится первое известное нам упоминание «Цыганов» — в письме Веры Вяземской мужу: «Он еще начал некую *Цыганку*, которую не хочет кончать» (ОА V/2: 112–113; подлинник по-французски). Видимо, в ту пору, когда Пушкин сообщил княгине о начале работы над поэмой, текст ее состоял из стихов в тетради 834 и продол-

жения в тетради 835 (на л. 3–3 об. и 9 об.). Этот текст был, конечно, неоконченным *фрагментом*, но фрагментом, обладающим внутренней завершенностью, представляющим собою «нечто целое». Его можно было продолжать или бросить, но о нем уже можно было *рассказывать*. Более того — с ним уже можно было знакомить читателей. Именно этот кусок Пушкин скоро пошлет Рылееву и Бестужеву для публикации в «Полярной звезде» (из письма княгини Веры неясно, ограничился ли Пушкин только сообщением ей о новой поэме или же что-то читал из нее; последнее, во всяком случае, не исключено).

На этом заканчивается одесский период истории «Цыганов».

5 где и когда раздался «глубокий чудный стон»?

Последний вывод может вызвать удивление, и вот почему. На л. 10 Второй масонской тетради находятся стихи, посвященные психологической характеристике Алеко. Это наброски, не сведенные в единое целое; текст иногда существует в нескольких неотмененных вариантах. Текст этот носит на себе следы интенсивной правки: психологическая характеристика Алеко давалась автору с явным трудом (прежде нечто подобное происходило с характеристикой Пленника, при работе над первой южной поэмой). Тем не менее вся работа над набросками относится к одному времени, вероятнее всего — к одному дню: все варианты и исправления записаны одинаковыми чернилами и одним мелким почерком.

И Г.О. Винокур, и С.А. Фомичев не отчленяют этих набросков от предшествующего сегмента поэмы (на л. 9 об.) и относят их к концу одесского периода жизни Пушкина. Но насколько эта датировка обоснованна?

Прежде всего, должно заметить, что текст на л. 10 написан чернилами красновато-коричневого оттенка, совершенно не имеющими аналогов в одесских записях (в Одессе Пушкин использовал более качественные чернила), но близкими тем, которыми Пушкин пользовался в первые михайловские недели (ср. записи в той же тетради на л. 10 об. — 12). Это обстоятельство само по себе, конечно, недостаточно для пердатировки: теоретически говоря, Пушкин мог и в Одессе оказаться в таком месте и в таких обстоятельствах, где не было хороших чернил. Но техническая сторона дела приобретает доказательный смысл в совокупности с другими факторами.

Среди набросков отметим стихи, обведенные чертой слева и снизу:

И вырывались иногда
Из уст его такие звуки
Такой глубокий чудный стон — ...
[Что]

С.М. Бонди

С.М. Бонди в отчете о работе над IV томом ПСС писал по поводу этих строк следующее: «Последние три стиха, не вошедшие в окончательный текст „Цыганов“, Пушкин повторил в „Евгении Онегине“, в черновом варианте XVII строфы второй главы» (Бонди 1936: 87; повторено без изменений в издании: Бонди 1971: 87). Это либо неточность (Бонди не делился собственными выводами, а пересказывал наблюдения Винокура), либо неудачная формулировка, способная ввести читателя в заблуждение и создать ложное впечатление о последовательности работы над текстами: получается, что Пушкин в какой-то редакции «Евгения Онегина» использовал отвергнутую характеристику Алеко из «Цыганов»...

В действительности дело обстояло прямо противоположным образом. Эти строки — дословное текстуальное заимствование из характеристики заглавного героя, данной в строфе XXI (впоследствии — XIV) Второй главы первой *беловой рукописи* «Евгения Онегина», созданной до завершения «Цыганов»:

Но вырывались иногда
Из уст его такие звуки,
Такой глубокий чудный стон
Что Ленскому казался он
Приметой незатихшей муки —
(VI: 562)

Несомненно, использовать в характеристике Алеко стихи, относившиеся прежде к Онегину, Пушкин мог только после *изъятия* соответствующей строфы из белового текста «Евгения Онегина». Первый беловой автограф Второй главы Онегина (ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 931) датируется — по верхней крайней дате и с высокой степенью условности — временем не ранее января 1824 года (когда глава была окончена в черновой редакции; в действительности это произошло, видимо, позже). В первом слое беловика соответствующая строфа имеет номер XXI. Затем Пушкин начал править и редактировать беловой текст. После *первой* правки строфа сохранилась, но изменила свой номер на XIV. Лишь после *второй* правки строфа была зачеркнута и заменена другой, соответствующей нынешней строфе XVII¹⁷.

Эта очень значительная редакционная работа не могла быть проведена в Одессе. В последние одесские месяцы Пушкин был полностью занят подготовкой к печати Первой главы «Онегина» (см. письмо Вяземскому от 7 июня, письмо Льву Пушкину от 13 июня и письмо А.И. Тургеневу от 15 июля). Пушкин мог приступить к обработке Второй главы (тем более продвинуться в ее редактировании так далеко) только по завершении подготовки к печати главы Первой. Признаком

такого завершения могут служить наброски Предисловия и примечаний к Первой главе, начатые в тетради 835 сразу под текстом с характеристикой Алеко. Текст примечаний заканчивается на л. 11 об., на том же листе проставлена дата: 5 сентября 1824 года.

Это дата и может служить вехой для датировки соответствующего фрагмента «Цыганов». Осторожно датировем его концом августа — самым началом (до 5) сентября 1824 года.

Подведем итоги наших наблюдений над одесскими страницами пушкинской поэмы.

Анализ текста «Цыганов» в его отношениях с контекстом позволил нам сделать некоторые уточнения в его творческой истории и в его датах. Некоторые из этих уточнений достаточно скромны, некоторые имеют более существенный характер.

Итак, возникновение замысла и начало работы над «Цыганами» в Первой масонской тетради (№ 834) относятся не ко второй половине января (Винокур) и не к промежутку между 12 января — 8 февраля (Левкович), а к кануну 12 января. Завершена работа над поэмой в этой тетради, по-видимому, около 8 февраля.

Работа над «Цыганами» во Второй масонской тетради (№ 835) была продолжена не в *начале марта* (мнение С.А. Фомичева, поддержанное Я. Левкович и другими исследователями), а в *начале июня* 1824 года. К *середине июня* (а не в июне–июле) одесский текст поэмы был завершен.

Наброски характеристики Алеко во Второй масонской тетради, которые традицией (от Винокура до Фомичева) интерпретировались как часть «одесского текста» и датировались последним временем пребывания Пушкина на Юге (июнь либо июнь–июль), более правильно отделять от одесского блока и отнести к работе в Михайловском, к *концу августа — самому началу сентября*. Таким образом, уточняя хронологию одесской работы, мы тем самым уточняем хронологию работы михайловской: возвращение Пушкина к «Цыганам» состоялось не в начале октября 1824 года (как принято считать), а по крайней мере месяцем раньше.

корректирующее примечание

Уже после того, как настоящая статья была сдана в печать, мне удалось обнаружить, что некоторые рукописные заметки, сохранившиеся в архиве Г.О. Винокура, сделаны на обороте машинописного обрывка его текстологического комментария к «Цыганам». Там, в частности, говорится: «<...>го, как были начаты „Цыганы“, так что Пушкину, когда он набрасывал начало поэмы, после л. 46 пришлось перешагнуть через л. 46 об. и л. 47, занятые письмом. Уже вне всякого сомнения ко второй половине января относится вторая часть черногого начала „Цыган“,

следующая

ИЗ ИСТОРИИ ОДЕССКОГО ТЕКСТА ПОЭМЫ ПУШКИНА «ЦЫГАНЫ»

следующая *после* письма к Бестужеву (лл. 47 об. — 48). Но внешний вид рукописи заставляет думать, что все черновое начало „Цыган“ в ЛБ 69 было закончено в один прием» (РГАЛИ. Ф. 2164. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 1 об.). Таким образом, необходимо уточнить наше замечание о том, что Г.О. Винокур не обратил должного внимания на тексты, соседствующие с рукописью «Цыганов»: он решал вопрос о хронологическом соотношении текста поэмы и текста письма к Бестужеву от 12 января 1824 года точно так же, как Я.Л. Левкович.

примечания

- 1 «Масонскими» эти тетради (всего их три) называются потому, что первоначально они предназначались для бухгалтерских записей кишиневской масонской ложи «Овидий». В настоящее время они — как и другие рабочие тетради Пушкина — воспроизведены факсимильным способом (см.: Рабочие тетради 1995–1998 IV). Заинтересованный читатель, желающий верифицировать корректность наших наблюдений и выводов, может обратиться к этому изданию.
- 2 Такой вывод дополнительно объясняет смысл необычно большого отступа наверху л. 46 об.: поскольку чернила, проступившие сквозь лист, еще не просохли, то писать на обороте листа поверх проступившего текста было не просто неудобно (скажем, из-за нежелательного фона), но и попросту невозможно: чернила в этом случае немедленно расплылись бы.
- 3 Вряд ли *после* 8 февраля. Показательно, что одновременно с возобновлением работы над «Онегиным» Пушкин начал заполнять пробел, оставленный после Второй главы, но заполнение началось с л. 41 об.: 8 февраля Пушкин переписывает сюда белойой текст стихотворения «Все кончено, меж нами связи нет» и под ним, поставив росчерк, пишет новое письмо Бестужеву (одновременность записей не вызывает сомнений). Видимо, л. 47 об. — 48 уже были к тому времени заняты. Оставшиеся незаполненными л. 42 об. — 43 (непосредственно предваряющие текст «Цыганов») будут заполнены позже. Об этом речь пойдет ниже.
- 4 Пушкин покинул Одессу 31 июля 1824 года; «31 августа» — очевидная описка, повторенная, однако, в статье неоднократно (в частности, на с. 41 и 54). Несомненно смущает то, что в некоторых случаях эта ошибочная дата релевантна при датировках.
- 5 К слову сказать, страдает неточностями и сама интерпретация произведенных Пушкиным арифметических действий (на основании которых реконструируются и распределение денег между заимодавцами, и размер суммы). Число 150 рассматривается Фомичевым как разность, полученная сначала вычитанием из тысячи рублей долгов на сумму в 800 рублей, а затем — вычитанием из получившейся разницы «мелких долгов». Но ведь совершенно несомненно, что в крайнем правом столбце 150 — это не разность, а, наоборот, число, из которого вычитаются (или к которому прибавляются?) другие!.. Не естественнее было бы предположить, что число «150», записанное на полях страницы *пятнадцатно*, в разных комбинациях и разных местах (впервые — много выше колонок с расчетами, что не очень ясно из данной в статье транскрипции), — не вариация суммы остатка (видимо, поразившей воображение Пушкина своей скромностью, оттого и многократно повторенной?), а разные числа?.. Наконец, Фомичев вовсе не стал разъяснять, что означает число 100: оно не вмещалось в его концепцию.
- 6 Нелишне заметить, что расчеты появляются не в самом начале соответствующего сегмента «Цыганов», а на втором листе его, когда уже было написано не менее половины соответствующей части текста. Видимо, заметив это, С.А. Фомичев внес соответствующее уточнение в описание Тетради, сопровождающем факсимильное издание: «Тетрадь ПД 835 начата была в Одессе 6 марта 1824 г.» (Рабочие тетради 1995–1998 I: 111). Обоснования новой даты здесь нет; видимо, исследователь добавил два дня «на глазок». Несмотря на сделанные уточнения, в академический обиход вошло все-таки 8 марта.

- 7 В 1824 году годовщина отречения Наполеона, важная сама по себе, приобретала особый смысл: в канун ее было получено известие о смерти лорда Байрона (не раньше 7 июня 1824 года, скорее всего — от прибывшей в Одессу Веры Вяземской). В сознании Пушкина фигуры обоих героев были связаны: раздумья о Байроне оказывались неразрывно сопряжены с размышлениями о Наполеоне (ср. стихотворение «К морю».).
- 8 Некоторые тексты в этом промежутке, по мнению исследователя, написаны позже (не будем сейчас вдаваться в аргументацию конкретных датировок, как уводящую в сторону от нашей темы).
- 9 В конце января — начале февраля 1825 года Пушкин, по мнению Фомичева, записывает на л. 2 об. набросок эпиграммы на Воронцова («Сказали раз царю...») (Фомичев 1983: 61).
- 10 Планы Пушкина затем изменились: продолжение работы над «Борисом Годуновым» было перенесено в какую-то другую рукопись, до нас не дошедшую.
- 11 Вывод о завершенности тетради 834 как причине перехода к тетради 835 кажется более правдоподобным, чем предположение С.А. Фомичева о параллельном использовании тетрадей 835 и 834 («Заведена тетрадь ПД № 835 была в то время, когда основной рабочей тетрадью Пушкина была тетрадь ПД № 834») (Фомичев 1983: 29). Конечно, такой вывод не оставляет простора для гипотез относительно взаимоотношения разных частей «Евгения Онегина» в разных тетрадях, но для нашего объяснения эти гипотезы излишни.
- 12 Оба текста записаны одновременно — одним почерком и одним, очень характерным, плохо очиненным пером (что отмечено в работе: Шварцбанд 2004: 175–178; с предложенными исследователем датировками этих записей, однако, трудно согласиться).
- 13 Нечто подобное случилось и со вставным куском в первой южной поэме Пушкина («Я знаю жребий мне готовый...»), место для которого в поэме Пушкин тоже определил не сразу, в итоге довольно искусственно соединив его с лирическими излияниями героини (см.: Пушкин 2007: 163 2-й пагинации).
- 14 Вообще у строфы в тетради 835 сложилась странная судьба: в многочисленных дебатах о ее существовании словно забывали, что приводило к явным искажени-

ям истории текста «Онегина». Так, Б. Томашевский склонен был считать, что Пушкин «передельвал стихи „Тавриды“ в XXXII строфу первой главы „Евгения Онегина“» уже в Михайловском и что записать формулы онегинской строфы на листе Тавриды в Кишиневской тетради и черновая переработка соответствующих стихов «Тавриды» в той же тетради сделаны там же и в это же время (Томашевский 1956: 492). Более того: он предположил, что «тогда же набросан и окончательный текст строфы XXXIII на обороте распечатанного, но снова сложенного (!) письма Пушкина брату 13 июня 1824 г. (что могло быть лишь тогда, когда братья снова оказались вместе, т.е. в Михайловском, осенью 1824 г., не позднее октября)» (с. 493). Эта концепция принята и в «Летописи...» (с. 443; ссылка на Винокура там совершенно ни к чему). Меж тем концепция эта не только искусственна (она предполагает, что Лев зачем-то привез из Петербурга в Михайловское старое письмо Пушкина), но и ошибочна. Томашевский, увлекшись полемикой с Н.Н. Фатовым, поразительным образом запамätовал текст строфы в тетради 835, который, с одной стороны, несомненно был уже результатом *переработки* текста в Кишиневской тетради и, с другой, несомненно *предшествовал* тексту на письме Льву Пушкину. Автор новейшей книги о письмах Пушкина южного периода в истолковании текста, записанного на письме Льву Пушкину (он фотографически воспроизведен в книге), идет еще дальше: «В АПСС отмечено, что стихи записаны „рукою Пушкина“ <...>. Точнее было бы сказать: рукою Льва Сергеевича Пушкина. Известно, что почерки братьев были очень похожи. Но автор „Евгения Онегина“ не мог в Одессе 13 июня 1824 г. записать данную строфу, так как она отсутствовала даже в белом автографе главы, с которым из Михайловского в октябре 1824 г. отправился в Петербург Л.С. Пушкин» (Левичева 2001: 16). Это «уточнение» — плод явного недоразумения. Автограф на письме принадлежит, конечно, не Льву, а Александру Пушкину: не говоря о ярко выраженных индивидуальных (не только «фамильных») графических особенностях, он имеет все признаки авторской рукописи: некоторые слова (в частности, в 1, 3, 4, 8-м стихах) записаны сокращенно —

так Пушкин часто поступал в «рабочих» беловиках (ср. замечание С.М. Бонди: «...видя такой лаконичский набросок, текст, сокращенный до одной буквы или даже до черты вместо слова, текстолог должен понимать, что это — ссылка на какой-то в другом месте находящийся, большей частью готовый текст» [Бонди 1971: 183]). Вопреки Левичевой, Пушкин, конечно, мог записать эту строфу в Одессе 13 июня: исследовательница, подобно своему выдающемуся предшественнику, забыла, что строфа эта уже присутствует на одесских страницах тетради 835. О том, почему строфы не оказалось в беловом автографе Первой главы, см. выше.

- ¹⁵ Казначеева и его жену упоминает среди персон, отъехавших в Крым с Воронцовыми, чиновник канцелярии новороссийского генерал-губернатора М.И. Лекс в письме И.П. Липравди от 18 июня 1824 года (см.: Ланда 1999: 133).
- ¹⁶ Дополнительным подтверждением этих расчетов может служить стихотворение

«Кораблю», набросанное на л. 7 об., сразу под черновиком строфы XXII «Онегина» (т.е. на той самой странице, где содержится поправка, использованная в продолжении «Цыганов»). Это стихотворение, обоснованно связывающееся с отплытием Воронцовой в Крым, датируется обычно 14 июня, что не вполне корректно: исходя из содержания (лирический автор-герой обращается к судну, которому только предстоит отправиться в путь), стихотворение следует датировать временем до отплытия Воронцовых, т.е. началом 10-х чисел июня.

- ¹⁷ Ср. описание Б.В. Томашевского в примеч. к «Вариантам» «Евгения Онегина»: «Данная строфа в А (так в ПСС обозначен первый беловой автограф Второй главы. — О.Л.) полностью зачеркнута и переписана в окончательной редакции в конце главы с заголовком: *после XIII*» (VI: 562).

литература

- Бонди 1931 / Бонди С. Новые страницы Пушкина: стихи, проза, письма. М.: Кооп. изд-во «Мир», 1931.
- Бонди 1936 / Бонди С.М. Отчет о работе над 4-м томом академического издания Пушкина // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.: Изд. АН СССР, 1936. Вып. 2. С. 458–468.
- Бонди 1971 / Бонди С.М. Черновики Пушкина: Статьи 1930–1970 гг. М.: Промсвещение, 1971.
- Винокур 1990 / Винокур Г.О. Слово и стих в «Евгении Онегине» // Винокур Г. О. Филологические исследования. М.: Наука, 1990. С. 146–195.
- Винокур 1999 / Винокур Г.О. Монолог Алеко // Винокур Г.О. Статьи о Пушкине. М.: Лабиринт, 1999. С. 43–59.
- Гершензон 1906 / Гершензон М.О. Семья декабристов: По неизданным материалам // Былое. 1906. № 10. С. 288–317.
- Ланда 1999 / Ланда С.С. «Я жил тогда в Одессе пыльной...» // Ланда С.С. «Я вижу некий свет...» СПб., 1999. С. 88–133.
- Левичева 2001 / Левичева Т.И. Письма А.С. Пушкина Южного периода (1820–1824). М.: Наука, 2001.
- Левкович 1995 / Левкович Я.Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 834: (Исто-

рия заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Сборник научных трудов. СПб.: Наука, 1995. Т. XV. С. 201–234.

- Летопись 1999 / Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. / Сост. М.А. Цявловский (1799 — сент. 1826), Н.А. Тархова (сент. 1826 — 1837); отв. ред. Я.Л. Левкович. М.: Слово, 1999.

ОА / Остафьевский архив князей Вяземских / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова, П.Н. Шеффера. СПб.: Изд. гр. С.Д. Шереметева, 1899–1913. Т. I–V.

Пушкин 1912 / Сочинения Пушкина / Издание Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1912. Т. 3.

Пушкин 1926 / Пушкин А.С. Письма / Под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. Т. 1. Письма, 1815–1825. С. 81–82.

Пушкин 2007 / Пушкин А.С. Сочинения / Комментарированное издание под ред. Дэвида М. Бетеа. М.: Новое издательство, 2007. Вып. 1: Поэмы и повести. Ч. I / Комментарий О. Проскурина (при участии Н. Охотина).

- Пушкин в воспоминаниях 1998 / Пушкин в воспоминаниях современников / 3-е изд.; вступ. ст. В.Э. Вацууро; сост. и примеч. В.Э. Вацууро, М.И. Гиллельсона, Р.В. Иезуитовой, Я.Л. Левкович и др. СПб.: Академический проект, 1998. Т. 1–2.
- Пушкин: Документы 2007 / Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии, 1799–1829 / Сост. В.П. Старк. СПб.: Искусство-СПБ, 2007.
- Рабочие тетради 1995–1998 / Пушкин А.С. Рабочие тетради. [Факсимильное издание] = Pushkin A. The working notebooks / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.; Лондон; Болонья: Эдитриче Композитори, 1995–1998. Т. 1–8.
- Рукою Пушкина 1935 / Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печати и коммент. М.А. Цявловского, Л.Б. Модзалевского, Т.Г. Зенгер. М.; Л.: Academia, 1935.
- Томашевский 1956 / Томашевский Б.В. Пушкин. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1956. Книга I: 1813–1824.
- Томашевский 1961 / Томашевский Б.В. Пушкин. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1961. Книга II: Материалы к монографии (1824–1837).
- Фомичев 1983 / Фомичев С.А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835. (Из текстологических наблюдений) // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1983. Т. XI. С. 27–65.
- Фомичев 2005 / Фомичев С.А. «Евгений Онегин»: Движение замысла. М.: Русский путь, 2005.
- Шварцбанд 2004 / Шварцбанд С.М. История текстов: «Гавриилиада», «Подражание Корану», «Евгений Онегин» (гл. I–IV). М.: РГГУ, 2004.
- Щеголев 1911 / Щеголев П.Е. Из разысканий в области биографии и текста Пушкина // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1911. Вып. XIV. С. 53–193.
- Щеголев 1987 / Щеголев П.Е. А.С. Пушкин и гр. М.С. Воронцов // Щеголев П.Е. Первенцы русской свободы. М.: Современник, 1987. С. 244–260 [впервые: Красный архив. 1930. Т. 1 (38). С. 173–185].

Пермяковский сборник

Часть 2